

ЛИБЕРАЛИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ — ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ США

В.В.Согрин

Либерализм и консерватизм на протяжении всей американской истории выступали в качестве ее главных идейно-политических традиций¹. В эволюции либерализма и консерватизма выделяются четыре этапа: от 1770-х до 1820-х годов — эпоха складывания национального государства, глубоких изменений в экономике и социальных отношениях и оформления на этой основе национальных идейно-политических традиций; от 1830-х до 1860-х годов — это время обострения противоборства между консерватизмом и либерализмом в связи с проблемой рабства; от 1870-х до 1910-х годов — эпоха триумфа чистого капитализма, его перерастания в монополистический капитализм и новых размежеваний между двумя традициями; от 1920-х до 1990-х годов — модернизация как либерализма, так и консерватизма.

Становление двух традиций в США определялось национальными особенностями. Если в Европе либерализм и консерватизм развивались как антагонистические по сути идейно-политические традиции — первый “вышел” из идеологии Просвещения и защищал буржуазные ценности, а второй служил интересам аристократии, то в Соединенных Штатах оба течения были по сути буржуазными и питались из одного источника — Просвещения. С момента образования США две идеологии представляли собою разные интерпретации фундаментальных принципов Просвещения — демократическую и умеренную. Из первой интерпретации оформился американский либерализм, из второй — консерватизм.

Двумя главными доктринами Просвещения, вокруг которых возникали острые дискуссии в Соединенных Штатах в период Войны за независимость и образования партийно-государственной системы, были доктрина естественных и неотъемлемых прав человека, составляющая суть либерализма, и доктрина политической демократии. Доктрины эти с самого начала признавались как теми, кого мы сегодня называем отцами-основателями американского либерализма, так и теми, кого относим к отцам-основателям консерватизма. Расходились же две группы отцов-основателей в понимании того, какие права человека являются наиглавнейшими и какие формы демократии наиболее приемлемы для США. Заметим, что сами они себя на либералов и консерваторов не

¹ Отечественные американисты сосредоточились по преимуществу на изучении новейшей истории либерализма и консерватизма. Исследования их неравнозначны, но всем им так или иначе был присущ односторонне гиперкритический подход к либерализму и еще в большей степени к консерватизму. Здесь предпринимается попытка по-новому взглянуть на две традиции, что, конечно, не означает отказа от критического их осмысления.

разделяли, термины эти возникли много позднее, так что относительно периода Войны за независимость и образования США можно говорить о формировании идейно-политических источников американского либерализма и консерватизма. Но, поскольку оба этих понятия применительно к той эпохе прочно закрепились в историографии, я буду их использовать, памятуя об их условности.

В трактовке естественных и неотчуждаемых прав индивидуума выразителями демократического подхода выступили Т.Джефферсон, Б. Франклин, Т.Пейн и их последователи. Они были солидарны в том, что главными среди этих прав, как формулировал Пейн, являются “все интеллектуальные и духовные права, а равно и право человека добиваться своего счастья и благосостояния, если это не ущемляет естественных прав других”². Особое, главное значение при этом придавалось свободе совести, вероисповедания, слова, а также вытекавшим из них свободе печати, собраний и т.п. Общество, доказывали американские просветители-демократы, не вправе ограничивать и отменять эти свободы, оно может только одобрять и защищать их.

Возвеличивая, а по сути абсолютизируя значение политической, интеллектуальной, духовной свободы, демократы не испытывали столь же трепетного отношения к свободному распоряжению частной собственностью и накоплению богатств. Более того, они утверждали, что собственность отсутствовала в естественном состоянии, была продуктом исторического развития, установлением самого общества, которое, следовательно, могло ограничивать крайности неравенства. Так рассуждали Франклин, Джефферсон, Пейн³, как, впрочем, и все либерально-демократическое крыло Американской революции. Эгалитаризм их носил умеренный характер, они ни в коем случае не отрицали института частной собственности.

С отличной трактовкой прав индивидуума выступила группа отцов-основателей США во главе с Дж.Адамсом, А.Гамильтоном и Дж.Мэдисоном. В их отношении к правам индивидуума, как, впрочем, и к демократии, различимы два периода: до революции 1776 г. и после нее. До революции идеи общественного договора и народного суверенитета как первоосновы государственной власти, принципов разделения властей, естественных и неотчуждаемых прав людей на свободу слова, собраний, печати исповедовались ими без всяких экивоков. Но по мере развития революции эта группа выдвинула новую, умеренно консервативную трактовку и прав человека, и политической демократии. Среди всех свобод индивидуума приоритет был отдан экономической свободе. А.Гамильтон по этому поводу писал: “Совершенно очевидна та истина, что не может существовать ничего похожего на равенство во владении собственностью, неравенство же во владении ею есть следствие самой

² The Complete Writings of Thomas Paine. In: 2 vol. / Ed. by P.S.Foner. N.Y., 1945. Vol. 1. P. 275—276.

³ The Writings of Benjamin Franklin In: 10 vol / Ed. by A.H.Smyth. N.Y.; L., 1905—1907. Vol. 9. P. 138; The Papers of Thomas Jefferson. In: 21 vol. / Ed. by J.P.Boyd, Ch.T.Cullen. Princeton, 1950—1983. Vol. 1. P. 292; Vol. 8. P. 682; Vol. 11. P. 49; The Complete Writings of Thomas Paine. Vol. 1. P. 610—612.

свободы... Различие во владении собственностью уже существует между нами. Дальнейшее развитие промышленности и торговли будет все более увеличивать эту пропасть”⁴. Декларировалось, что общество не вправе как-либо вмешиваться в естественный ход вещей.

На конституционном конвенте 1787 г. среди неотъемлемых прав индивидуума было выделено право на собственность. “Говорят, что жизнь и свобода, — подытоживал мысли участников конвента Г.Моррис, — должны цениться выше, чем собственность. При более внимательном рассмотрении вопроса необходимо будет, однако, признать, что высшей ценностью общества является именно собственность”⁵. Одновременно участники конвента прохладно отнеслись к другим либеральным ценностям — неотъемлемым правам каждого индивидуума на духовные и политические свободы, отказавшись включить в проект федеральной конституции Билль о правах, их гарантировавший.

Серьезными оказались расхождения между отцами-основателями в отношении к демократическим принципам. Джефферсон и его последователи поддерживали идею прямой демократии, которая должна была существовать наряду с представительным управлением. Многие демократы уже тогда настаивали на узаконении прямых выборов всех государственных лиц, включая сенаторов и президента, наделении рядовых избирателей правом законодательной инициативы и референдума, одобрении федеральной конституции на основе непосредственного волеизъявления народа или с помощью ратификационных конвентов. Они требовали подчинения исполнительной власти законодательной. Являясь эгалитаристами и полагая, что в Америке всегда будет доминировать средний класс, а бедные и богатые не приобретут заметного влияния, демократы доказывали, что в стране не возникнет почвы для социальных конфликтов, а следовательно, не будет и потребности в репрессивных органах и сильном государстве. Идея слабого государства венчала либерально-демократическое кредо Джефферсона и его единомышленников.

Умеренные из отцов-основателей, напротив, испытывали абсолютное недоверие к прямой демократии и защищали идею сильного государства, но, сохраняя верность принципам Просвещения и будучи политическими реалистами, они хотели придать своим замыслам легитимность на основе заключения общественного договора с нацией. А это предполагало компромисс между разными социальными слоями. Отцы консерватизма в США осознавали, что надежная защита и длительное сохранение ценностей, признанных ими фундаментальными, возможны только при том условии, если эти ценности будут так или иначе санкционированы всем обществом. Компромисс интересов верхов и общенационального подхода воплотился в федеральной конституции 1787 г. Конституция закрепила такие популярные среди американцев принципы, как народный суверенитет, общественный договор, разделение властей, республиканизм.

⁴ The Papers of Alexander Hamilton. In: 25 vol. / Ed. by H.C.Syrett. N.Y.; L., 1961—1979. Vol. 4. P. 218—219.

⁵ The Records of the Federal Convention of 1787. In: 4 vol. / Ed. by M.Farrand. New Haven; L., 1966. Vol. 1. P. 422—423.

Вместе с тем умеренные отцы—основатели изыскивали и способы защиты в рамках общественного договора низов и верхов интересов последних. Так, они отвергли любые формы прямой демократии и утвердили господство представительного правления, что давало преимущество политической элите. Сенат, которому в отличие от нижней, “народной”, палаты предназначалось специально защищать интересы собственности, был наделен большими полномочиями. Вся полнота исполнительной власти вручалась президенту, которого критики тут же окрестили “выборным монархом”. В целом американское государство, созданное в соответствии с принципами Просвещения, обрело благодаря их препарированию умеренными отцами—основателями способность обеспечивать экономическую и социальную стабильность. Выпестованный же ими американский консерватизм оказался элитарной моделью либерализма и демократии.

Американский консерватизм получил завершённый вид уже в послереволюционный период, особенно во время пребывания у власти федералистской партии (1789—1801). Главными выразителями консерватизма тогда были А.Гамильтон, Дж.Адамс и Р.Г.Харпер (Мэдисон в те годы перешел в ряды сторонников Джефферсона). Федералисты называли себя “партией порядка” и в качестве таковой пытались ограничивать демократические нововведения Американской революции.

Одна из идеологических новаций федералистов свелась к попытке разделить принципы республиканизма и демократии. Самый распространенный их довод против демократии звучал так: именно эта форма легко перерождается в деспотию. Такой довод призван был представить консерваторов в роли подлинных ревнителей республиканских устоев, а демократов — в качестве их злейших врагов. Федералисты при этом ссылались на примеры из истории античных республик, в частности на то, как те или иные демагоги использовали завоеванную в народе популярность для сокрушения республиканских свобод. Но чаще всего вожди федералистов апеллировали к опыту совершавшейся на глазах их сограждан Великой французской революции. Ее неожиданные метаморфозы — стремительный переход от участия в политике масс к утверждению деспотии Директории, консулов, а затем и бонапартистского режима — служили живой иллюстрацией к тезису: диктатура вырастает из демократии — это ее оборотная сторона.

Согласно федералистской доктрине, идеальная политическая система должна быть полностью свободна от влияния людских страстей и раз и навсегда подчинена правовым нормам и законам. основополагающая идея федералистов о “власти законов” обнаруживает у них приверженность к порядку. Эта партия желала освободиться от “прихотей толпы”. На первый взгляд, это может вызвать сомнение, ибо популярный в XVIII в. принцип “власти законов”, будучи направлен против произвола монархов, на утверждение правового государства, имел прогрессивное звучание. Но дело в том, что федералисты, придя к власти, стали использовать его преимущественно в охранительных целях, против преобразовательных инициатив “снизу”.

К началу XIX в. американский консерватизм вполне сложился.

Основой его явилось не отрицание, а препарирование, приспособление к интересам элиты классических принципов Просвещения. Прямых покушений на них консерваторов было немного: самые яркие — законы об “иностранцах” и “измене”, фактически приостанавливавшие в ряде случаев действие Билля о правах. Но и эти законы не могли поколебать основу гражданского общества и политического плюрализма, укоренившихся в период образования США. Отрицать их в намерения консерваторов не входило, не были они и сторонниками насильственных методов достижения своих целей. У их оппонентов имелись возможности вести с ними открытую политическую борьбу, добиваться победы легальными средствами — в ходе избирательных кампаний (именно одна из них — 1800-го года — закончилась приходом к власти Т.Джефферсона и республиканской партией).

Джефферсон и его окружение следовали тем принципам, которые были выпестованы демократами в период Американской революции. Но в их идеологии появились и новые моменты, имевшие важное значение для выработки либерально-демократического кредо. Это в первую очередь осуждение Джефферсоном в начале XIX в. насильственных революций и вообще насилия как способа изменения государственного строя. (В 1776 г. Джефферсон в Декларации независимости признавал право народа на насильственное низложение деспотического правительства, в 1787 г. защищал “маленькие бунты”, наподобие восстания Шейса, а в период Великой французской революции оправдывал массовое революционное насилие.) Важным было и признание сторонниками Джефферсона права политических партий на существование (прежде оно отрицалось).

В период пребывания Джефферсона на президентском посту (1801—1809) либерально-демократическая модель доказала свою жизнеспособность в условиях США. Джефферсон полностью восстановил действие Билля о правах и, несмотря на крайне ожесточенное сопротивление с федералистами (их пресса вела массированную клеветническую кампанию против президента, в частности обвинила его в трех прелюбодеяниях), несмотря на широкий антигосударственный заговор, возглавленный вице-президентом А.Бэрром, несмотря на серьезные внешнеполитические осложнения, ни разу не попытался его ограничить. Продвинулся он и в реализации своей эгалитаристской мечты: доступ простым американцам к западным землям был существенно облегчен, хотя закон о их бесплатной раздаче не был принят.

Различия между джефферсоновским демократическим либерализмом, с одной стороны, и умеренным либерализмом Гамильтона и Дж.Адамса, с другой, были в глазах некоторых историков столь существенными, что они готовы были объявить их классово разнородными идеологиями. Этого вывода придерживался, например, известный историк общественной мысли В.Л.Паррингтон, увидевший во взглядах Джефферсона “окончательный разрыв с учением вигов о правах собственности, завещанного Локком английской буржуазии”⁶. Это, конечно, явное

⁶ Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. В 3 т. М., 1962—1963. Т. 1. С. 423.

преувеличение. Взгляды Джефферсона и его единомышленников представляли собой демократическую модель либерализма, которой и суждено было стать классической в США, в то время как умеренная модель легла в основу американского консерватизма.

* * *

Стремительное развитие капитализма и противоборство между ним и плантационным рабством в 1830—1860-е годы определило перипетии либерализма и консерватизма на следующем историческом этапе.

Развитие американского либерализма нашло выражение в политике Э.Джексона и демократической партии в 1830-е годы и в идеологии и политике А.Линкольна и республиканской партии в 1850—1860-е гг. Историки, как правило, признают особое значение реформ Э.Джексона: он ограничил привилегии финансовых верхов Северо-Востока, способствовал массовому вовлечению в ряды предпринимателей и фермеров простых тружеников. Роль же Линкольна и республиканской партии в развитии либерализма как бы затеняется их выдающимися заслугами в борьбе с рабством. Между тем вклад Линкольна и республиканцев в либеральную идейно-политическую традицию, на мой взгляд, ничуть не меньше вклада Джексона.

Авраам Линкольн не был оригинальным мыслителем, как Т.Джефферсон, но по сравнению с Э.Джексоном был более широко образован, что позволяло ему успешно развивать принципы либерализма. Линкольн оценивал себя как правоверного последователя Джефферсона. При этом он подчеркивал, что Декларация независимости не содержит в перечне естественных прав человека владения собственностью. По его убеждению, это отнюдь не было случайностью, а свидетельствовало о том, что Джефферсон считал право собственности второстепенным по отношению к правам на жизнь, свободу, стремление к счастью⁷.

Либерализм Линкольна и республиканской партии эпохи борьбы с рабством отразил переходное состояние американского общества: в нем сохранялись открытые границы между буржуазией, сельским и городским пролетариатом; в свою очередь в буржуазной среде численно преобладали мелкие независимые предприниматели и фермеры, часто превращавшиеся в рабочих. Сам Линкольн подчеркивал, что выражает интересы именно этих независимых предпринимателей и фермеров, которых никто не нанимает, но которые и сами никого не нанимают, а работают на самих себя. Такой предприниматель и фермер, утверждал он, являются центральными фигурами американского общества, свидетельствуя, что труд в Америке ценится выше капитала, он главная общественная ценность. Статус наемных рабочих Линкольн характеризовал как переходный, ссылаясь на свой жизненный опыт, доказывал, что усердные и предприимчивые рабочие в Соединенных Штатах имеют стоп-

⁷ The Collected Works of Abraham Lincoln. In: 8 vol. / Ed. by R.F. Basler. New Brunswick (N.Y.), 1953—1955. Vol. 2. P. 249; Vol 3. P. 296, 375.

роцентный шанс начать собственное дело, они просто обязаны стремиться к этой цели⁸.

Превращение масс американцев в независимых фермеров и предпринимателей, по убеждению Линкольна да и прочих либералов той эпохи, было невозможно без свободного доступа к западным землям. В полном соответствии с заветами Джефферсона Линкольн полагал, что земельные участки должны предоставляться труженикам или бесплатно или за минимальную, чисто символическую плату. Линкольн воспринял и демократические политические принципы Джефферсона, одобряя верховенство народного суверенитета, защищал идею созыва чрезвычайных конвентов в случае нарушения властями принципов республиканизма и народовластия. Линкольн твердо отстаивал право любой угнетенной нации на независимость, солидаризировался с освободительной борьбой венгров, чехов и поляков и, как и Джефферсон, был противником экспорта революции.

Таким образом, республиканская партия в эпоху борьбы с рабством была не просто антирабовладельческой партией. Она выражала либерально-демократическое кредо и своеобразный американский эгалитаризм, сплачивая вокруг себя широкие народные слои. А то, что пестовавшиеся Линкольном либерально-демократические идеалы и эгалитарная мечта не являлись абстракцией, а были вполне реализуемы, подтвердилось в период Гражданской войны. В 1862 г. конгресс США принял закон о предоставлении американцам за символическую плату участков на западных землях. Так укоренился фермерский путь в сельском хозяйстве, обеспечивший в скором будущем ведущую позицию США на мировом рынке. В те же годы были реализованы многие политические требования либерализма.

Если либерализм в 1830—1860-е годы развивался по восходящей линии, то консерватизм, напротив, переживал застой, более того, в его эволюции выявилась реакционная тенденция. Относительно того периода можно говорить о развитии в нем двух направлений. Признанным политическим лидером первого стал Генри Клей, продолжатель дела Александра Гамильтона. Клей вошел в историю как автор так называемой американской системы, которая в главном воспроизводила идеи А.Гамильтона. Покровительство интересам национальной промышленности и торговли, жесткий протекционизм во внешнеэкономических связях, строительство дорог и каналов, поддержание монополии Национального банка, приоритет власти федерального правительства над властью штатов, охранительная интерпретация принципа “власть законов”, защита представительного правления против охлократии — вот ее основные постулаты. Система Клея все менее удовлетворяла новые предпринимательские слои, усматривавшие в ней защиту буржуазной элиты.

Гораздо большую идеологическую оригинальность продемонстрировало второе направление американского консерватизма, выражавшее интересы плантаторов-рабовладельцев. Но это направление все более

⁸ Ibid. Vol. 3. P. 462, 477, 479; Vol. 5. P. 52.

скатывалось на реакционную идейно-политическую позицию. Вместе с тем оно пыталось приспособить к своим интересам ряд либерально-демократических принципов, укоренившихся в сознании американцев. Каким же получился новый консервативный симбиоз?

Признанные мэтры южных консерваторов Дж.Кэлхун и Дж.Фицхью, восприняв у Дж.Адамса и А.Гамильтона концепцию о разделении общества на враждебные социальные слои и неискоренимости социальных антагонизмов, дали ей своеобразное толкование. Эксплуатация человека человеком, доказывали они, неустраима, она лежит в основе “естественного порядка” вещей; и поэтому человечеству остается лишь выбирать, какая форма эксплуатации является более гуманной⁹. Из двух известных форм эксплуатации — капиталистической и рабовладельческой — они отдавали безусловное предпочтение последней. В бесчисленных газетных статьях, теоретических трактатах, публичных выступлениях идеологи рабства пытались поразить воображение сограждан данными о деградации промышленных рабочих, их жен и детей в капиталистических штатах и одновременно выдвигали в качестве альтернативы “патриархально-семейные” отношения белых рабовладельцев и черных рабов.

Выдвинув подобную концепцию, Кэлхун, Фицхью и их последователи серьезно разошлись с Дж.Адамсом и А.Гамильтоном в оценке экономической свободы. Абсолютная экономическая свобода, вытекающая из нее ничем не ограниченная эксплуатация, доказывали они, чревата нищетой, а в итоге гибелью отсталых представителей рода людского, а потому за последними должно быть закреплено “естественное право” на рабство, гарантирующее им выживание. Концепция естественного права отсталых индивидуумов на рабство приобрела в трактатах ее защитников расистский характер, ибо “неполноценной” была признана одна черная раса.

Вместе с тем, как это ни странно, идеологи рабства в сравнении с отцами-основателями консерватизма демонстрировали более благосклонное отношение к политической демократии. Так, профессор политэкономии из Виргинии и один из ведущих идеологов Юга, Т.Ф.Дью, отстаивал идеал равных демократических прав для всех белых американцев, независимо от их социального и экономического положения. Но этот идеал, доказывал он, может быть реализован только при сохранении рабства черных. В противном случае, согласно его логике, работу черных невольников должна будет выполнять часть белого населения. Только благодаря рабству, настаивал он, политические права и свободы могли быть распространены на все белое население и, следовательно, могли утвердить подлинно демократическое правление¹⁰. Так Дью и его единомышленники пришли к мысли о разделении

⁹ The Papers of John C. Calhoun. In: 16 vol. / Ed. by W.E. Hemphill, C.N. Wilson. Columbia, 1959—1985. Vol. 10. P. 462; Vol. 12. P. 550; Vol. 13. P. 64, 603, 394—396; Vol. 16. P. 348—349; Fitzhugh G. Sociology for the South or the Failure of the Free Society. Richmond, 1854. P. 12—14.

¹⁰ The Proslavery Argument as Maintained by the Most Distinguished Writers of the Southern States. Charleston, 1852. P. 306, 325, 355—358, 463—464.

естественных прав белой и черной рас, объявив республиканизм, равенство и свободы достоянием одной белой расы.

Лидеры плантаторов разошлись с Гамильтоном и Дж.Адамсом в трактовке соотношения полномочий федерального правительства и властей штатов. Здесь они выступили твердыми последователями Т.Джефферсона и подобно ему превозносили концепцию суверенитета штатов, т.е. право каждого штата не подчиняться решениям федерального правительства и даже право выхода из союзного государства. Но если Джефферсон выдвигал эту концепцию в связи с принятием федеральным правительством законов об “иностранцах” и “мятеже”, то лидеры плантаторов ухватились за суверенитет штатов, предполагая отстоять неприкосновенность рабовладельческой системы.

Итак, плантаторы—рабовладельцы первыми среди консерваторов попытались приспособить демократические принципы для защиты реакционных социально-экономических интересов. Этот “вклад” в консерватизм не смог спасти его от сокрушительного поражения в период Гражданской войны 1861—1865 гг. Впрочем, крах тогда потерпел не консерватизм в целом, а его ведущее прорабовладельческое направление. Консерватизму суждено было возродиться, но уже на новой основе.

* * *

После Гражданской войны в США начался новый этап, продолжавшийся до 1910-х годов и завершившийся сменой свободного капитализма монополистическим. В американском обществе произошли радикальные и противоречивые изменения. С одной стороны, происходил стремительный рост экономической мощи нации, сосредоточенной в руках предприимчивых промышленных и финансовых магнатов — рокфеллеров, морганов, вандербильдов, карнеги. С другой стороны, жестокая конкуренция вымывала из бизнеса, промышленности, сельского хозяйства миллионы неудачливых финансистов, торговцев, фермеров. Беспрецедентный рост богатств нации не сопровождался каким-либо изменением традиционно-рыночных форм его распределения. Плоды победы над рабством пожинались преимущественно верхним классом, а средний и нижний классы оказывались в роли неудачников. Тогда-то в США впервые за их историю дустил прочные корни социализм, а радикальные социальные идеалы стали пользоваться поддержкой не только среди рабочих, но и среди интеллигенции и разорывшегося среднего класса. Социалистическая партия, возникшая в конце XIX в., быстро довела свою численность до 150 тыс. человек, а на президентских выборах 1912 г. собрала 10% всех голосов. Наряду с социализмом большое влияние приобрели и несоциалистические радикальные течения, в первую очередь популизм.

Как же ответили на вызов социалистов и радикалов консерваторы и либералы? Консерваторы заняли по отношению к социализму и радикализму непримиримую позицию, либералы же вступили с ними в своего рода исторический спор — диалог, в ходе которого существенно модернизировали и развили свои демократические и эгалитарные принципы.

Консерватизм на этом этапе возвеличил принципы экономического либерализма, переложив их в доктрины “твердого”, “грубого”, “неограниченного индивидуализма”. Ведущую позицию в консервативной идеологии занял социал-дарвинизм, распространивший на общество дарвиновские законы эволюции. Родоначальник социал-дарвинизма английский социолог Г.Спенсер, посетивший Соединенные Штаты в 1882 г., был поражен: его чествовали как национального героя. Известный американский историк Р.Хофстедтер имел основания писать: “В первые три десятилетия после Гражданской войны никто не мог утвердиться в какой-либо из сфер интеллектуальной жизни, не будучи последователем Спенсера”¹¹.

Главной темой американского социал-дарвинизма — и здесь он следовал традиции А.Гамильтона и Дж.Адамса, впрочем, как и Дж.Кэлхуна и Дж.Фицхью — стало обоснование естественного, вытекающего из самой природы вещей, происхождения всех социальных явлений и противоречий капитализма, таких, как разделение на классы, конкуренция, экономические контрасты, богатство одних и нищета других. Для этого привлекались уже модные биологические законы. Признанный глава американских социал-дарвинистов, У.Г.Самнер, доказывал, что природа предоставила человечеству только один вариант общественных взаимоотношений — войну всех против всех. Вслед за классовой борьбой воплощением естественного закона борьбы за существование объявлялась частнокапиталистическая конкуренция. Самнер называл финансовых и промышленных магнатов, сокрушавших “менее приспособленных” конкурентов, “продуктом естественного отбора”, элитой общества, выявленной самой природой.

Самнер требовал от правительства неизменно руководствоваться принципами экономического либерализма и индивидуализма: “Все возможные достижения на пути к естественному социальному порядку могут быть лишь следствием саморазвивающегося прогресса, но не результатом реконструкции общества по плану какого-нибудь социального архитектора-энтузиаста... Общество должно быть свободно от их вмешательства, т.е. предоставлено самому себе в своем развитии. И здесь мы вновь должны довериться старой формуле — государственного невмешательства”¹².

Американские монополисты, познакомившись с социал-дарвинистскими принципами, без промедления взяли их на вооружение. Все они — Э.Карнеги, Дж.Рокфеллер, Дж. Херст, Дж.Хилл и др. — определяли себя как наиболее приспособленных индивидуумов, а созданные ими финансовые и промышленные империи как высшее достижение “естественного отбора”. Некоторые из них становились пропагандистами социал-дарвинистских доктрин, распространяя их через газеты, журналы, а то и в пухлых сочинениях. Э.Карнеги, владелец стальной империи, производившей металла больше, чем вся Великобритания, был признан даже теоретиком социал-дарвинизма. Одной рукой он подавлял в своей

¹¹ Hofstadter R. Social Darwinism in American Thought. N.Y., 1944. P. 33.

¹² Sumner W.G. What Social Classes Owe to Each Other. N.Y., 1920. P. 119—120.

отрасли профсоюзы, а другой писал наставления для соотечественников о способах “выживания” в условиях благословенной экономической свободы. Его книга “Триумфальная демократия” стала практическим руководством для тех, кто желал сколотить миллионы, полагаясь на силу, волю, предприимчивость.

Доктрина “государственного невмешательства” в экономику и социальные отношения являлась на протяжении всей последней трети XIX в. и официальным кредо американского правительства, обеих ведущих партий — и демократов, и республиканцев. Президент США демократ Г.Кливленд в инаугурационной речи в 1893 г. решительно отмахнулся от социальных запросов низов, заявив, что народ должен безусловно поддерживать правительство, но правительство не обязано поддерживать народ. Один из его предшественников на президентском посту, республиканец Дж.Гарфилд, стоял на том, что “в функции правительства ни в коей мере не входит обеспечение занятости”¹³.

В последней трети XIX в. консервативные доктрины доминировали в американской мысли и средствах массовой информации. С их критикой выступали набиравшие силу социалистические и антимонополистические движения. Но все более весомо звучал и критический голос либералов, опиравшихся на наследие Джефферсона, Э.Джексона и Линкольна. Идеалы их были существенно преобразованы, так что многие исследователи говорят даже о рождении на рубеже XIX—XX вв. нового либерализма, соединившего прежние принципы с концепциями социального реформизма. Подобная эволюция либерализма позволила ему поддерживать и упрочить свое влияние среди масс американцев, и она же расширила и углубила его отличия от консерватизма.

В конце XIX — начале XX в. обновлению подверглись как теоретический фундамент американского либерализма, так и его социально-политические программы. В разработке теории нового либерализма особенно заметную роль сыграли социолог Л.Уорд и экономист Р.Эли, а в развитии его конкретных программ политологи, юристы и журналисты Г.Кроули, У.Уейл, У.Липпманн, Л.Брандейс, Д.Коммонс и такие известные политики, как Т.Рузвельт и В.Вильсон.

Л.Уорд решительно отверг концепции социал-дарвинистов об “естественном отборе”, выживании “наиболее приспособленных” и гибели “менее приспособленных” существ как основе общественной эволюции. Согласно его оригинальной концепции, общественный прогресс осуществлялся в результате все более расширяющегося воздействия человека, социальных классов и групп, политических партий, государства и гражданского общества на социальную среду, ее совершенствования в направлении смягчения человеческих страданий и увеличения всеобщего благосостояния¹⁴.

Весьма стройная и аргументированная концепция Уорда о способности человека и общества вершить свою судьбу и выбирать альтернативы исторического развития была подхвачена многими либералами. Но

¹³ История США: В 4 т. М., 1983—1987. Т.2. С. 28.

¹⁴ Ward L. Applied Sociology: A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society. N.Y., 1906.

одновременно они сочли принципиально важным определить, какой способ воздействия на общественное развитие оптимален. Либералы единодушно отвергли революционные теории ломки общественных структур, противопоставив им концепцию их реформаторского изменения. При этом либеральные теоретики опирались на позаимствованное у О.Конта, других европейских социологов и ставшее к тому времени классическим учение об органическом характере общественного развития и прогресса, доказывавшее, что наработанные в ходе многовековой человеческой истории общественные институты и взаимосвязи являются органичными и структурно-функциональными, а потому их революционная ломка является, безусловно, зряшной.

К органическим были отнесены такие общественные установления и структуры, как частная собственность, государство, классы, партии, общественные объединения. Необходимо отметить, что теорию органического характера общественной эволюции разделяли и консерваторы, но в отличие от последних либералы видели в органических структурах как позитивное, так и негативное. Вот что, например, в 1903 г. писал Р.Эли: "...существование нескольких классов способствует развитию различных по своему характеру дарований и способностей. Отрицательная же сторона классовых различий состоит в том, что они по мере дальнейшей дифференциации ведут к разобщению нации"¹⁵. Совершенствование и реформа органических структур и взаимосвязей призваны, согласно Эли, устранять их негативные черты, но не их самих.

Каким образом следовало реформировать американские институты? Отвечая на этот вопрос, некоторые новые либералы приходили к выводу, что фундаментальные ценности либерализма и демократии должны быть дополнены принципами социализма. Р.Эли в 1894 г. первым заявил, что социалистическое учение обладает "могущественной способностью обличения существующих институтов" и что "сила социализма" не только в этой его способности, "но и в его позитивной программе". Эли предложил разработать "практическую социальную реформу", которая "консервативным и осторожным путем" смогла бы добавить к существующей системе "сильные качества социализма". Наиболее выдающимся среди социалистических учений Эли признавал марксизм, который, по его убеждению, имел все шансы реализоваться в условиях господства "естественных" социально-экономических сил и "пассивного государства"¹⁶.

Подобное отношение к социализму и марксизму восприняли в тот период многие американские либералы, в том числе столь известные, как экономист Э.Селигман и историк Ч.Бирд. Они развернули конструктивный спорт-диалог с защитниками социалистического учения, который положил начало социализации либерализма. Но обретение либерализмом социал-реформистских черт было не только защитной реакцией на весьма быстрое распространение социализма в США, но и следствием естественного саморазвития, дальнейшего раскрытия его гуманистического потенциала. Выдвигая проекты обновления орга-

¹⁵ Ely R. *Studies in the Evolution of Industrial Society*. N.Y., 1903. P. 85.

¹⁶ Ely R. *Socialism: An Examination of Its Nature, Its Strength and Its Weakness With Suggestions for Social Reform*. N.Y., 1894. P. 254, 256.

нических структур, либералы конца XIX — начала XX в. заимствовали идеалы, заключенные не только в социалистических доктринах, но и в национальной либеральной традиции. Ими была реанимирована идея Джефферсона, Франклина и Пейна о собственности как продукте общественного договора: обнаружив в ней не только “частный”, но и “социальный” элементы, либералы декларировали право государства на социально-экономическое регулирование и планирование.

Вместе с тем на рубеже XIX—XX вв. происходила и широкая ревизия наследия отцов-основателей либерализма. Новые либералы отклонили концепцию “слабого государства” Томаса Джефферсона и признали за правительством и партиями особую роль в урегулировании общественных антагонизмов, в обеспечении экономических и социальных прав и свобод среднего и низшего классов. Единодушно признавая позитивную роль государственной власти в регулировании общественных процессов, либералы расходились в вопросе о принципах ее реорганизации. Г.Кроули и Т.Рузвельт, например, обосновывали необходимость сильной и энергичной исполнительной власти, а У.Уэйл, А.Смит и Ч.Бирд считали, что социальные реформы могут быть проведены при условии расширения прямой демократии. К ее механизмам были отнесены выдвижение кандидатов на государственные должности самими избирателями, прямые выборы сенаторов, президента США.

В начале XX в. новые либералы все больше сосредоточивались на конкретных программах социальных и политических реформ. Они единодушно потребовали от государства уделить первостепенное внимание нуждам рабочего класса, в том числе предоставить ему право объединяться в профсоюзы, заключать коллективные договоры с предпринимателями, объявлять забастовки. Либералы добивались широкого распространения “рабочих акций”, что было призвано не только повысить степень заинтересованности рабочих в наращивании производства, но и восстановить их веру в справедливость института частной собственности. Предлагалось ввести социальное страхование по безработице, инвалидности, пенсионное обеспечение престарелых. Государство должно было законодательно гарантировать минимальную заработную плату и ограничить продолжительность рабочего дня. Либералы признали наличие реального конфликта между трудом и капиталом, но, вступив в полемику с марксистами, отказались признать этот конфликт антагонистическим, доказывая, что труд и капитал могут соперничать и сотрудничать к взаимной выгоде.

Весьма острые споры развернулись среди либералов по вопросу отношения к монополиям. Часть либералов проповедовала идею ликвидации монополий, восстановления и поддержания при помощи государства свободной конкуренции, вместе с которой должна была вернуться и столь желанная социальная гармония. Другая часть требовала признать монополии в качестве новой, более высокой и, безусловно, более эффективной организации, но одновременно требовала от государства создать надежный перераспределительный механизм, который позволил бы воспользоваться плодами возросшей экономической мощи общества всем его представителям.

В 1912 г. во время президентских выборов эти два подхода воплотились в доктринах “новой свободы” и “нового национализма”, которые были начертаны в программах соответственно демократической и прогрессистской партий. В результате лидер демократов В. Вильсон стал президентом, а глава прогрессистской партии Т. Рузвельт занял второе место. И хотя они были главными соперниками, оба отстаивали идеалы реформ. И то, что оба претендента-реформатора оттеснили кандидата от республиканской партии, поклонявшейся консервативным принципам, явилось настоящей политической сенсацией. Она свидетельствовала, что новый либерализм набрал в Соединенных Штатах реальную силу.

Новые либералы в альянсе с другими демократическими силами сумели добиться и законодательных успехов. Назову лишь самые существенные. Это многочисленные антимонополистические законы штатов, а также федеральные антимонополистические законы Шермана (1890) и Клейтона (1914). В соответствии с этими законами были начаты процессы против ряда предпринимательских объединений: конечно, они не пресекли монополизации, но все же направляли ее в русло, позволявшее развиваться и конкуренции. Серьезный успех реформаторов — одобрение в 1913 г. 16-й и 17-й поправок к конституции: первой вводился федеральный подоходный налог, второй — порядок прямых выборов в сенат. Кроме того, во многих штатах были приняты демократические законы о прямых первичных выборах (тайное выдвижение избирателями кандидатов в президенты от политических партий), всевозможные акты, вводившие различные формы страхования рабочих.

* * *

Первая мировая война, революция в России и последовавшее вслед за тем разделение мира на противоборствующие социальные системы означали вступление мировой истории, в том числе и американской, в новый период. И на протяжении этого периода либералы и консерваторы в США сумели сохранить ведущие позиции в идейно-политической жизни. Но в новейшее время это потребовало от них гораздо большей гибкости, чем прежде, причем в отличие от предшествующих этапов не только либералы, но и консерваторы осуществили ревизию первооснов.

В соперничестве либералов и консерваторов успех был то на одной, то на другой стороне: в 1920-е годы господствовал консерватизм; в 1930—1940-х годах наблюдался взлет либерализма; в 1950-е годы — снова обретение консерватизмом ведущих позиций; в 1960-е — первой половине 1970-х годов — победа либерализма; наконец, на самом новейшем этапе — лидерство консерватизма. Эта смена консервативных и либеральных циклов изменяла облик и консерватизма, и либерализма, да и всего американского общества.

1920-е годы, знаменитое десятилетие “просперити”, ознаменовались последним успехом классического консерватизма. Впрочем, уже тогда он претерпел определенные модификации. Не будет преувеличением сказать, что изменения в идейно-политической доктрине консерватизма

были связаны в первую очередь с философией и политической деятельностью лидера республиканцев в 20—30-е годы 31-го президента Г.К.Гувера. Стремление Гувера к определенной модификации классического индивидуализма порождало очевидные противоречия в его взглядах: с одной стороны, он с гордостью напоминал американцам, что изобрел понятие “грубый индивидуализм”, которое исчерпывающе выражало идеалы экономического либерализма, но, с другой — исповедовал концепцию “просвещенного индивидуализма”, которая отрицала социал-дарвинистские принципы неограниченной свободы¹⁷. Просвещенный индивидуализм в истолковании Гувера должен был служить, в первую очередь, средством восстановления в правах “грубого индивидуализма”. Государство, настаивал Гувер, должно воздержаться от прямого вмешательства в отношения труда и капитала, но оно обязано неустанно просвещать рабочих и предпринимателей относительно возможных путей и форм преодоления или смягчения конфликтов и добровольного сотрудничества. Целью “просвещенного индивидуализма” Гувер объявлял пресечение попыток монополизировать рынок и утверждение неограниченной конкуренции и экономической свободы. Согласно замысловатой и противоречивой логике Гувера, “просвещенный индивидуализм” призван был обеспечить оптимальные условия для абсолютной свободы “грубого индивидуализма”.

Со временем неприятие Гувером социально-экономического законодательства не только не ослабело, но даже усилилось. После поражения на президентских выборах 1932 г., когда избиратели недвусмысленно вынесли вотум недоверия “просвещенному индивидуализму”, Гувер повел настоящую идеологическую войну против Ф.Д.Рузвельта и его “нового курса” Рузвельтовское планирование и регулирование промышленности, финансов и торговли, и тем более создание государственной собственности, как и правительственные социальные программы помощи фермерам и рабочим, приравнивались Гувером то к фашизму, то к коммунизму. Трагической ошибкой Рузвельта он считал его предположение о фундаментальных недостатках американской системы: сам Гувер доказывал, что основы американского капитализма здоровы и что классический капитализм нуждается только в очищении от злоупотреблений¹⁸. Однако реальность — лопнувшие банки, парализованная промышленность, разорившиеся фермеры — обрекала гуверовские заклинания на провал.

В 1930—1940-е годы ведущие позиции в политической жизни США вновь заняли либералы, сыграв на этот раз стратегическую роль в преобразовании классического рыночного капитализма в социально-рыночный. Главные герои либерализма того периода Ф.Д.Рузвельт и приверженцы его “нового курса” идеологически развивали то, что было создано новыми либералами в конце XIX — начале XX в. На практике они были гораздо большими радикалами, что диктовалось принципиально новыми обстоятельствами. Во-первых, Рузвельт и нью

¹⁷ Hoover H. Challenge to Liberty. N.Y., 1934. P. 53, 54.

¹⁸ Ibid. P. 11, 81—89, 111—114, 125, 142, 154, 158—159, 170—171.

дилеры действовали в условиях экономического краха классического капитализма. Во-вторых, либералы оказались перед вызовом советского социализма и германского фашизма, которые небезуспешно внушали массам мысль, что только тоталитарные системы способны покончить с безработицей, угрозой перепроизводства, необеспеченной старостью, нищетой.

Сегодня у историков есть основания говорить, что Рузвельт справился со своей миссией. Но разные авторы по-разному оценивают рузвельтовские реформы. Либеральные авторы, как правило, считают “новый курс” третьей — после революций 1776 и 1861 гг. — Американской революцией, которая преобразовала классический капитализм в общество всеобщего благосостояния. Консервативные авторы утверждают, что Рузвельт только упрочил первоосновы Америки. Марксисты, в том числе и отечественные, признавая историческую роль “нового курса”, вместе с тем считали, что эта роль свелась к спасению капитализма посредством реформ от социалистической революции. Сегодня среди наших историков получает признание новая точка зрения, которая представляется справедливой: реформы Рузвельта способствовали радикальному преобразованию классического капитализма путем его социализации.

Рузвельт беспощадно критиковал классические механизмы капитализма, часто анализировал их при помощи понятий, которыми пользовались до того марксисты. Так, главную причину его экономического краха он видел в противоречии между общественным характером производства и частным способом присвоения. Президент США от демократической партии, ставшей выразительницей социального либерализма, указывал, что обобществление производства, рост производительности труда и товарной продукции, наблюдавшиеся в Америке 20-х годов, не подкреплялись радикальным налогообложением корпораций и перераспределением стремительно возрастающих прибылей в пользу трудящихся классов. Производительные мощности нации беспрерывно увеличивались, а ее потребительские возможности в силу эгоизма и всевластия монополий оставались по сути неизменными. В таких условиях перепроизводство и безработица стали неизбежными. Главное требование Рузвельта — основные усилия правительства должны направляться на радикальное преобразование сферы распределения, утверждение распределительной справедливости¹⁹.

Повторяя социалистическую критику капитализма, Рузвельт опирался на прагматические методы лечения его болезней. Необходимость расширения покупательной способности трудящихся, потребителей в целом он определял просто и метко как “заправку насоса”, не утруждая себя без надобности поисками идеологизмов. Именно реальность заставила Рузвельта одобрить концепции и практику бюджетного дефицита, сыгравших важнейшую роль в помощи промышленности, безработным, в реанимации экономики, наделить правами профсоюзы, создать системы социальной защиты средних и нижних слоев. В конечном

¹⁹ *Roosevelt F.D. Looking Forward.* N.Y., 1993. P. 29, 31—33.

счете он выдвинул типичные социал-демократические программы, но конструировались они эмпирическим путем. Среди исследователей распространилась даже точка зрения, что прагматизм полностью исчерпывал мировоззрение Рузвельта. Вот с таким утверждением согласиться трудно.

Представляется, что вряд ли Рузвельт смог бы столь радикально “улучшить капитализм социализмом”, пусть это диктовалось и временем и жизнью, если бы его намерения никак не опирались на внутренние резервы и возможности самого американского либерализма. Рузвельт неизменно подчеркивал, что он — стопроцентный либерал и что его духовные наставники — Б.Франклин, Т.Джефферсон, Э.Джексон, А.Линкольн, Т.Рузвельт и В.Вильсон. В этой “могучей кучке” он, в свою очередь, в качестве подлинного отца-основателя и авторитета либерализма выделял Т.Джефферсона.

Из наследия Джефферсона Рузвельт воспринял две основополагающие идеи: право каждого поколения на обновление общественного договора, или конституции, в соответствии с меняющимися запросами и потребностями общества; право общества бороться с крайностями неравенства. Опираясь на авторитет Джефферсона, он доказывал, что право собственности оформилось исторически, что само его возникновение было невозможно без государства и что в силу этого государство обязано бороться с издержками свободного развития частной собственности²⁰. Социал-демократизация американского либерализма, отразившаяся и в доктринах, и в общественно-политической практике 1930—1940-х годов, таким образом, обусловлена двумя взаимосвязанными факторами: вызовом социализма и мобилизацией в экстремальных исторических условиях собственного эгалитарного потенциала.

В 1950-е годы либеральный цикл американской истории вновь сменился консервативным. Произошло это вследствие важных конкретных исторических причин. Бизнес сумел оправиться от былых потрясений, реабилитировать себя в глазах масс, он мог теперь бороться за освобождение от излишней государственной опеки. Насаждение Сталиным после второй мировой войны казарменно-социалистических режимов в странах Восточной Европы вынуждало многих и многих американцев спланиваться вокруг собственных поборников “холодной войны”. Правда, на ведущую позицию в консерватизме постепенно выдвигалось ревизионистское течение.

Это новое течение пестовалось философами, политологами, историками, подпитывалось лозунгами и программами политиков, прозорливыми деятелями республиканской партии. В академической среде кредо нового консерватизма наиболее полно выразили три человека: П.Вирек, Р.Керк и К.Росситер. Они решительно потребовали закрепить право гражданства за самим понятием “консерватизм”, указав при этом, что оно давно пользуется уважением в Европе, особенно в Англии, в то время как в Америке даже лидеры правого крыла, твердые консерваторы, предпочитают называть себя либералами.

²⁰ Ibid. P. 21, 35.

Они утверждали, что защита консерватизма в США не имеет шансов на успех, если он будет основываться на “грубом индивидуализме”. Старому индивидуалистическому кредо, возвеличивавшему “экономического человека” и абсолютизовавшему роль экономических мотивов и страстей личности, противопоставлялся новый, или социальный, консерватизм, который призван был защищать все непреходящие человеческие ценности — семью, церковь, религию, гражданское общество с его разнообразными социальными ячейками и интересами, образование, мораль; кроме того, он должен был преодолеть свою классовую ограниченность, объединить вокруг себя всех людей, а не только “наиболее приспособленных”, для конкурентной экономической борьбы.

Новые консерваторы придерживались концепции “органического” характера общественного устройства и его прогресса, декларируя, что любая революция или радикальная реформа²¹ решительно порывавшие с прошлым, означали бунт против законов природы. Новые консерваторы, однако, не были намерены всецело замыкаться на заботе о “корнях”, ибо устремленность в прошлое, как писал Росситер, характеризует реакционеров, а не консерваторов. Общество, рассуждал он, не может быть статичным, оно или развивается, или приходит в упадок. Но перемены ради перемен также неприемлемы, они должны осуществляться только тогда, когда им нет альтернативы. Когда же такие изменения вызревают, консерваторы, безусловно, должны их одобрить, дополнив реформой фундаментальные ценности²¹.

Своими идейными предшественниками новые консерваторы сочли англичанина Э.Берка, а среди американцев А.Гамильтона и Дж.Адамса. Основополагающим консервативным документом Америки была признана федеральная Конституция 1787 г. Объявив ее охранительной, консерваторы в отличие от марксистов и радикалов вложили в это понятие не отрицательный, а глубоко положительный смысл. Оценивая конституцию, аргументировали они свою мысль, необходимо исходить из того, какие ценности она охраняет и освещает. Ценности эти, доказывали консерваторы, по своему происхождению демократичны и либеральны.

В политической сфере к исконным американским ценностям были отнесены те, которые обеспечивали социальный мир и консенсус, преемственность и долговечность общественных связей. Именно такие ценности, как разделение властей, система сдержек и противовесов, двухпалатная законодательная власть, представительная, а не прямая демократия, права и свободы личности, независимый суд, сильная президентская власть, баланс интересов между федерацией и штатами, охранялись федеральной Конституцией.

Но ряд постулатов новых консерваторов существенно отличался от таковых их предшественников. Так, они решительно отвергли концепцию разделения общества на враждебные классы, объявив, что взаимоотношения классов могут и должны зиждиться на сотрудничестве и солидарности.

Политическую программу новых консерваторов наиболее полно

²¹ Rossiter C. Conservatism in America. N.Y., 1955. P. 13, 15, 28—29.

представили реформистски настроенные лидеры республиканской партии. В 40-е годы ею активно занимались У.Уилки и Т.Дьюи. В 50-е годы ее поддерживал президент Соединенных Штатов от республиканской партии Дуайт Эйзенхауэр. Уже в первом президентском послании конгрессу США в 1953 г. он одобрил государственную систему охраны окружающей среды, регулирование трудовых отношений, контроль над сельскохозяйственным производством, развитие социального страхования²². Фактически на основе программы нового консерватизма, по мере усвоения его доктрин лидерами республиканской партии, постепенно складывалось такое идейно-политическое явление как “новый республиканизм”. (Новый республиканизм развернуто идеологически обоснован министром труда в правительстве Эйзенхауэра А.Ларсоном в книге “Республиканец смотрит на свою партию”²³.)

И хотя в 1950-е годы республиканцы внесли свой вклад в развитие систем социального страхования, образования, жилищного строительства, в 1960-е годы они вновь уступили власть либералам. Наступление либерального цикла было обусловлено тем, что консерватизм, даже в обновленном варианте, не смог дать ответа на проблемы новой эпохи, главными среди которых были национально-освободительные революции в Африке, сопровождавшиеся одновременным взлетом национального самосознания негров в Америке, неравное распределение плодов научно-технической революции среди белых американцев, определенные успехи социализма вследствие хрущевской либерализации.

Выход либерализма на ведущую позицию в 1960—1970-е годы сопровождался наивысшей социал-демократизацией и его идеологии, и политики. Новые идеологические вехи либерализма первым обозначал тогда Дж. Гэлбрейт. В книге “Новое индустриальное общество” он последовательно отстаивал идею своеобразного исторического компромисса между капитализмом и социализмом, назвав это конвергенцией²⁴. Своей концепцией он обосновывал закономерность сближения производительных структур, производственных отношений и систем экономического управления при социализме и капитализме. При этом Гэлбрейт и его единомышленники не считали более возможным пользоваться такими понятиями, как “капитализм” (или даже “демократический капитализм”) применительно к американскому обществу, предпочитая им классово нейтральные понятия “индустриальное” и “новое индустриальное общество”. Они активно отстаивали мысль, что основные черты “нового индустриального общества” станут в будущем универсальными и в капиталистических, и в социалистических обществах.

Концепцию “нового индустриального общества” в свое время остро критиковали в отечественной литературе. Критиков особенно не устраивало, что Гэлбрейт мыслил конвергенцию как “капитализацию социализма” и в идиллических красках изображал американский монополистический капитализм. Но во второй половине 80-х — начале

²² The State of the Union Messages of the President / Ed. by F.Israel. N.Y., 1967. Vol. 3. P. 3020—3022.

²³ Larson A. Republican Looks at His Party. N.Y., 1956. P. 59—91, 117, 131, 147.

²⁴ Galbraith J.K. The New Industrial State. Chicago; L., 1967.

90-х годов среди наших обществоведов возник новый взгляд на конвергенцию, который в отличие от прежнего, формационного, можно назвать общецивилизационным и который обнаруживает многие упрощения в прежней нашей критике Гэлбрейта и его единомышленников.

Новое прочтение книги Гэлбрейта убеждает, что критика увидели в его концепции то, чего в ней вовсе не было. Лейтмотив концепции Гэлбрейта — отнюдь не идея “капитализации социализма”, а как раз идея “социализации капитализма”. Введенное им понятие “социализация” капиталистической экономики сегодня воспринято и нашими обществоведами. Читая книгу Гэлбрейта сегодня, поражаешься тому, насколько радикально отрицал он классические механизмы капитализма, доказывая, например, что свободный рынок превратился в анахронизм и в будущем “должен быть заменен планированием”²⁵.

В 60-е годы социал-реформистская тенденция в либерализме реализовалась в президентских курсах Дж.Кеннеди и Л.Джонсона. Законодательство Кеннеди—Джонсона при всех его противоречиях (они хорошо известны) означало самые глубокие структурные нововведения в американское государство благосостояния. Были впервые созданы системы социальной защиты не только работающих, но и нетрудоспособных американцев, так же как и бедных, многосемейных и иных “наименее приспособленных” граждан Америки.

Социал-реформистская линия в американском либерализме достигла высшей точки в начале 70-х годов, когда ее выразителями стали лидеры левого крыла демократической партии Ю.Маккарти и Д.Макговерн. Они и их единомышленники предложили серию антимонополистических актов, названных “новым популизмом” и прозвучавших наиболее ярко в период избирательных кампаний 1968 и 1972 г. Во-первых, ими выдвигалось требование утвердить в стране единую общегосударственную систему социального обеспечения, с тем чтобы покончить с зависимостью рабочих от непосредственных хозяев, во-вторых, установить систему демократического общественного контроля над экономической деятельностью корпораций, их отношением к окружающей среде, их политикой ценообразования, участием в избирательных кампаниях. Наконец, были сформулированы требования роспуска корпораций, приобретших монополистические черты, и определения при помощи правительственных органов допустимых размеров предпринимательских объединений²⁶. Среди прочего либералы выдвинули такие популярные еще в популистском и прогрессистском движениях конца XIX — начала XX вв. требования, как расширение прямой демократии, проведение народных референдумов и отзыв депутатов, строгий контроль над финансированием избирательных кампаний, установление квот пропорционального представительства в государственных структурах и руководстве партий мужчин и женщин, разных национальностей и рас.

1970-е годы раскрыли как новые возможности, так и пределы социализации либерализма. Углубившиеся в то десятилетие кризисные

²⁵ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 450, 453.

²⁶ McCarthy E.J. The Hard Years. A Look at Contemporary America and American Institutions. N.Y., 1975. P. 3—14, 61—67.

явления — галопирующая инфляция и резкое замедление темпов экономического роста — эксперты связывали с издержками государственного социально-экономического регулирования. Постепенно и либералы должны были признать, что социальные расходы государства, бюджетные дефициты, налогообложение бизнеса и среднего класса превысили пределы, совместимые с индивидуальной предприимчивостью и экономическим ростом. А когда этот вывод стал убеждением большинства американских избирателей, политическая власть вновь была передана консерваторам. Консервативный идейно-политический цикл, начавшийся на рубеже 70—80-х годов, продолжается и поныне. Пик его пришелся на годы президентства Р.Рейгана (1981—1989).

Современный консерватизм, названный неоконсерватизмом, возник как реакция на изъяны государственного экономического регулирования, на “завышенные требования” и “растущие притязания” негритянского движения, бедняков и низкооплачиваемых слоев, он означал неприятие “контркультуры”, морально-нравственной “деградации” американской молодежи. Как доктрина он представлял собой попытку синтеза разнообразных вариантов консерватизма новейшего времени.

Неоконсерваторы не были радетелями абсолютной свободы предпринимательства. Более того, один из их ведущих идеологов, И.Кристолл, отмечал, что “возвращение к системе свободного предпринимательства, при котором государство призвано играть минимальную роль... есть утопия”. Но вот содержание государственного регулирования, согласно неоконсервативной доктрине, должно быть решительно изменено. Его цель, по определению Кристолла, — “расширение рыночных возможностей как механизма разрешения социальных проблем”, т.е. свободный рынок и свободная конкуренция объявлялись единственным надежным средством обеспечения экономического роста, воспроизводства и распределения рабочей силы и т.д., а государственному регулированию вменялось в обязанность обеспечение благоприятных возможностей для этой конкуренции, в первую очередь, пользуясь языком Кристолла, “создание и расширение рынков”. Все иные виды государственного регулирования и особенно либерально-реформистская концепция “планового общества” неоконсерваторами отвергалась как “социалистическая утопия”²⁷.

Основная критика неоконсерваторов пришлась на социальные программы, осуществлявшиеся в годы пребывания у власти демократической партии. Они разделили реформы демократов на два главных этапа: “новый курс” Ф.Д.Рузвельта и мероприятия Кеннеди—Джонсона. При этом социальные меры “нового курса” они с теми или иными оговорками одобряли, а программу “Великого общества” 60-х гг. отвергали. Известный экономист Т.Лоуви обосновывал позицию неоконсерваторов тем, что социальные программы “нового курса” были направлены на создание благоприятных условий функционирования и воспроизводства рабочей силы. Введенные в период “нового курса” формы социального страхования охватывали трудоспособное население и пользовались поддержкой среди всех основных социальных слоев —

²⁷ Kristoll I. Two Cheers for American Capitalism. N.Y., 1978. P. 30, 56—57, 125.

бизнеса, среднего класса, рабочих. Программа же “Войны с бедностью” касалась в первую очередь бедняков, престарелых, матерей-одиночек, служила не экономическим (антикризисным), а откровенно идеологическим целям — историческому спору с социализмом, она ни в малой степени не улучшила экономическую ситуацию, а только усилила рост бюджетного дефицита, инфляцию, спад производства²⁸.

Неоконсервативная идеология на современном этапе была взята на вооружение республиканской партией США, а ее активным и наиболее видным проводником в практической политике стал сороковой президент США Рональд Рейган. В период избирательных кампаний и в годы президентства (1981—1989) Рейган последовательно критиковал либерально-реформистское государство всеобщего благосостояния, создав ему образ монстра.

Каковы же были результаты провозглашенной Рейганом “консервативной революции”? Сопоставление идеологических постулатов и политической практики президента обнаруживает, что он отнюдь не являлся догматиком, напротив, проявил способность соразмерять свои мировоззренческие убеждения с реальностью, и в случае необходимости поступаться принципами. Это не раз вызывало недовольство правых консерваторов, а один из их лидеров, Д.Стокман, в конце президентства Рейгана пришел к выводу, что кумир правых оказался “политиком консенсуса, а не идеологом”²⁹. Действительно, за восемь лет Рейган в полной мере раскрылся как прагматик, балансировавший между группами с различными социально-политическими интересами, который использовал любую возможность для законодательного воплощения своей программы, но и умел отступить и уступить общественному мнению и оппонентам, если та или иная идея не имела шансов на успех. В целом современный американский консерватизм проявил себя конкурентоспособным в споре с различными мировоззренческими течениями, в частности и с современным либерализмом.

Современный либерализм, известный как неолиберализм, во многих отношениях является тенью неоконсерватизма. Неолибералы требуют максимально рационализировать государственное социально-экономическое регулирование. Его представители, с одной стороны, отвергают социал-демократическую тенденцию в либерализме, с другой — стремление современных консерваторов жестко разграничить функции государства и рынка. Их позитивная программа требует, чтобы государственные институты в США, ориентируясь на японские и германские образцы, обеспечивали квалифицированное руководство социальной и экономической политикой. Прагматическая социальная политика должна способствовать оптимальному воспроизводству “человеческого капитала”, а не призрачному всеобщему благоденствию. Поэтому социальные расходы должны идти не на раздачу талонов беднякам и увеличение пособий безработным, а на развитие систем переподготовки рабочей силы, что позволило бы беднякам и безработным интег-

²⁸ Lowi T.J. The End of Liberalism. The Second Republic of the United States. N.Y.; L., 1979. P. V—XI, 193—220.

²⁹ Stockman D. The Triumph of Politics. N.Y., 1987. P. 10.

риваться в “человеческий капитал” нации. Еще одно ключевое понятие в политическом словаре неолибералов — “индустриальная политика”, означающее государственное поощрение малого бизнеса, помощь технологической перестройке традиционных отраслей, налоговые льготы для отраслей, конкурентоспособных на мировом рынке, и т.д.³⁰

Победа демократической партии США на президентских выборах 1992 г. ознаменовала первый крупный политический успех неолиберализма. Соперничество двух главных идейно–политических традиций Соединенных Штатов вступило в новую фазу.

³⁰ *Hart G.* A New Democracy: A Democratic Vision for the 1980's and Beyond. N.Y., 1983; *Reich R.B.* The Next American Frontier. N.Y., 1983; *Thurow L.* Dangerous, Currents: The State of Economics. Oxford, 1983; *Yankelovich D., Harman S.* Starting With People. Boston, 1988.